

ВРАТА В ЭЙРИДАН

Последняя Хранительница

К. ЭЙР-ВЕНТ

К. Эйр-Вент

**Врата в Эйридан.
Последняя Хранительница**

«Автор»

2026

Эйр-Вент К.

Врата в Эйридан. Последняя Хранительница / К. Эйр-Вент —
«Автор», 2026

Врата в Эйридан. Последняя Хранительница — это тёмное фэнтези о мире, где магия, древние врата и забытые клятвы переплетаются с опасностью и предательством. Мирэ долго жила, не подозревая, что её судьба связана с силой, способной изменить всё вокруг. Но когда прошлое начинает раскрывать свои тайны, а враги идут по её следу, ей предстоит узнать, кто она на самом деле и какую цену придётся заплатить за правду. Когда над Эйриданом сгущается тьма, а старые силы приходят в движение, только Последняя Хранительница может вернуть утраченное равновесие. Но успеет ли она раскрыть свою силу, пока врата прошлого не захлопнулись навсегда?

Содержание

Пролог	5
Глава 1. От утра до бездны	6
Глава 2. Видения в пустоте	12
Глава 3. Тени прошлого	14
Глава 4. Ловушка заботы	16
Глава 5. Полночь правды	18
Глава 6. Хозяин и его солдаты	21
Глава 7. Холодный поезд	26
Глава 8. Под куполом рун	28
Глава 9. Там, где сходятся тропы	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

К. Эйр-Вент

Врата в Эйридан.

Последняя Хранительница

Пролог

Городская ночь пульсировала привычным ритмом: далёкий гул трамваев по мокрым рельсам, вспышки неоновых вывесок баров и круглосуточных ларьков, запах свежего дождя, смешанный с выхлопами машин. Люди спешили домой под зонтами, обнимались на остановках, смеялись в тёплых кафе. Но для Мирэ этот мир казался далёким, чужим.

Она стояла на краю крыши своего старого девятиэтажного дома, цепляясь за ржавые перила. Пронизывающий ветер нёс с собой холод и солоноватый привкус речной воды, вздымая волосы и вызывая мурашки по обнажённым рукам. Внизу — паутина улиц, усыпанных жёлтыми огнями фонарей, пропасть в двадцать семь метров. Сердце стучало ровно, но в груди нарастала тревога, как тень перед бурей.

Она не была одна. Голос раздался из темноты — ровный, спокойный, как эхо в пустом зале. И вот он предстал перед ней: фигура в тёмном плаще, лицо скрыто капюшоном, но глаза — два спокойных озера в полумраке.

Мирэ выпрямилась, голос её звучал серьёзно, с едва заметной дрожью тревоги:

— Кто ты? Зачем следишь за мной?

Он не шелохнулся, отвечая ровно, без эмоций, словно читал заготовленный текст:

— Слишком много вопросов, но скоро ты всё узнаешь. А теперь мне пора.

— Стой! — её тон стал твёрже, но впившиеся ногти в ладони выдавали её тревогу. — Почему ты бросаешь меня именно сейчас, когда я на краю этой чёртовой крыши?

— Я не бросаю, — он произнёс это так спокойно и ровно, как поверхность замерзшего озера. — Поверь, я всегда рядом, даже если ты меня не видишь. Но не задавай мне больше вопросов. Я всё расскажу, но позже.

— Но я же сейчас прыгну! — серьёзность в её словах граничила с отчаянием.

— Нет... Ты не сможешь.

Он растворился в ночи, как тень в лунном свете.

Мирэ замерла на краю, ветер хлестал по лицу. Жизнь рухнула — предательство, потери, пустота внутри. Решение твёрдое, как сталь: шаг в бездну.

Пути назад нет.

Глава 1. От утра до бездны

Летнее утро ворвалось в квартиру Мирэ Блеквуд через приоткрытое окно: щебет птиц на старом каштане, далёкий гул общественного транспорта и густой аромат свежесваренного кофе, смешанный с пылью цветущих лип. Солнечные лучи пробивались сквозь белые шторы, рисуя золотые полосы на потёртом паркете. Сессия подходила к концу и впереди маячил долгожданный отдых: две недели с подругой Сарой на море, а потом подработка барменшей в ночном клубе "Flay" – лёгкие деньги на осень.

Мирэ потянулась в кровати так, что хрустнули суставы. Девятнадцатилетняя девушка с длинными волнистыми тёмно-русыми волосами с серебристым отливом, стройная, как тростинка, с бледной кожей и лёгким румянцем, небесно-синие глаза с серебряными искрами и слегка вздёрнутым носиком — она всегда выглядела младше своих лет, а губы то и дело растягивались в ироничную улыбку. Характер у неё был крепкий, как спелая черешня: упорная, с острым языком и тёплым сердцем, но под этой оболочкой пряталась трещина — автокатастрофа в 14 лет унесла родителей, оставив её на попечение деда. С тех пор она научилась держать всё под контролем, но иногда по ночам воспоминания давали о себе знать.

Из кухни донёсся утончённый голос деда Брэма Блеквуда. Высокий аристократ с идеальной осанкой, серебристыми висками и пенсне на лацкане, бывший посол, он держал серебряную ложку с точностью дипломата:

— Мисс Мирэ, благоволите подняться. Блины ожидают, а экзамены не сдаются сами.

— Уже иду! А Сара не звонила?

— Нет.

Мирэ нахмурилась, надевая черные брюки палаццо с длинными разрезами спереди, черный топ, а сверху не застёгнутую белую укороченную рубашку и туфли лодочки на низком каблуке — деловой стиль с ноткой бунтарства, что не всегда нравилось бабушке. Дед всегда так — манеры донна, но сердце мягче бархата. После потери мамы и папы он стал её якорем: сервировал чай в фарфоре, полировал старинный сервант и делился воспоминаниями о дипломатических приёмах. Жили скромно в старой трехкомнатной квартире с видом на реку, где по утрам Брэм кормил голубей с тростью из эбенового дерева.

Она прошла цокая каблуками в тесную кухню, где на вышитой скатерти дымились стопка блинов с мёдом. Дед, в атласном халате с вензелями, разлил кофе по фарфоровым чашкам.

— Сегодня экзамен? — он прищурился через пенсне, отрезая ей самый большой блин серебряной вилкой. — Помните: жизнь — шахматная партия, оппонент всегда блефует.

— Дед, я готова, — Мирэ усмехнулась, жуя. — Сара уже второй день не звонит и не отвечает на звонки. — В её голосе промелькнули нотки грусти и разочарования. — Мы планировали пойти в «Flay» сегодня вечером, отметить успешную сдачу сессии.

— Не вешайте нос, моя принцесса! Вот увидишь она позвонит тебе вечером, как обычно и расскажет о том как попала в новую неприятность.

Разговор лился легко, как вино: планы на море, шутки про Сарину новую стрижку, напоминание о стипендии. Сара Кейн — шатенка с голубыми глазами, подруга с детского сада, душа компании с татуировкой бабочки на плече, всегда с идеями "прыгнем с парашютом!". Они делились всем: секреты, парни, ночные разговоры о жизни.

Допив кофе, Мирэ чмокнула деда в щеку и направилась в ванную. У зеркала над раковиной она замерла. Отражение смотрело серьёзно: небесно-синие глаза, припухшие от зубрёжки, волосы в беспорядке. "Всё под контролем, — прошептала она, расчёсывая. — Сессия, Сара, море. Жизнь — не автокатастрофа".

Но мелькнул озноб — эхо дождливого дня пять лет назад, на похоронах. У могилы, среди рыданий, он вновь зазвучал: ровный голос в голове, как шёпот ветра. "Ты не одна". Тряхнула головой. Галлюцинация. Сегодня — блины, сессия, лето.

Мирэ схватила сумочку и вышла в жару, не зная, что утро было единственным светлым моментом этого дня. Вечер обернулся ударом. Дождь хлестал по улицам, смывая краски дня.

— Алло... Сара, не молчи!

— Да, алло.

— Где тебя носит? Почему не отвечаешь?

— Прости, сегодня не могу пойти с тобой. Мне очень жаль...

В телефоне зазвучал другой, нежный голос: «Зайка, ты идёшь? Да-да, сейчас выхожу.» «Предательница», — прошептала Мирэ, прежде чем прозвучали гудки.

Дождь лил словно из ведра, превращая город в размытое полотно серых красок. Улица была пустой, за исключением редких прохожих, спешивших укрыться от непогоды. Холод и сырость проникали под кожу, а лужи отражали мерцающие синие и розовые огни неоновых вывесок. Уличные фонари бросали тусклый желтоватый свет, и каждая капля дождя казалась ударом молоточка по её душе. Прохожие прятали головы под капюшоны, а она чувствовала себя совершенно одинокой — в мире, который гонится за светом и весельем, её оттолкнули и оставили за бортом.. Как часто так бывает — когда надежды тают, сердце наполняется холодом, который проникает до костей. Она стояла одна, холод пронизывал насквозь, точно нож, и в голове мелькали тёмные мысли: «Вот она, правда. Сара предала меня. Обещала быть рядом, но ушла с ним. Как можно так легко менять? Опять бросила. Наверное, мне пора перестать цепляться за дружбу, которая давно стала иллюзией».

Она шла по залитой дождём улице, промокая, но с каждым шагом внутри неё росло раздражение и горькое чувство одиночества, словно плетя невидимую паутину из обид и недоверия. По дороге она вспоминала сцены из детства — смех Сары, их разговоры, обещания, казавшиеся такими важными и настоящими. Почему всё рухнуло так быстро?

Когда она подошла к клубу «Flay», его неоновая вывеска словно манила и пугала одновременно. Просторный двухэтажный лофт с высокими потолками, обнажёнными кирпичными стенами и граффити в азиатском стиле создавал атмосферу свободы и диких ночных приключений. Металлические элементы и неоновая подсветка переливались яркими красками, отражаясь в стеклянных поверхностях и призывая забыть о печалях. Внутри клуб был наполнен гудением электронных битов, воздух пропитан дымом кальянов и запахом коктейлей.

Добравшись до клуба «Flay», она почувствовала, как в груди снова засосало пустотой. Радоваться было сложно, но она пыталась замаскировать боль за сарказмом. У входа её встретил знакомый — Ким. Его улыбка была теплой, а шутивное приветствие хоть и поднимало настроение, но всё равно не могло заглушить внутреннего пустого эха.

— Привет, Ким! — сказала она, стараясь звучать бодро.

— Привет, малявка! — поддразнил он её, и она непроизвольно улыбнулась.

— Я не малявка! — сказав это она сделала обиженное лицо.

— Эй, малышка, шучу же. Иди, веселись. Закажи пару соков за мой счёт.

— Ого, какой вы великодушный, сэр! — сарказм во всей красе.

— Ах ты ж! Притворяешься! Ладно, на этот раз ты в выигрыше. Иди и веселись.

— Только я вся промокла...

— Лизи! Дай ей что-нибудь из одежды!

Промокшая насквозь, она думала, что весь вечер будет испорчен... Но Лизи, стрипти-зёрша клуба, протянула ей своё платье — короткое, вызывающее, оно легло на её плечи как чуждая шкура, добавляя ощущение инкогнито в этом ярком хаосе.

Лизи — высокая и грациозная женщина с навыками уверенного и притягательного поведения, которые она оттачивает в клубе «Flay». Ее фигура стройна и обтекаема, движения точны и соблазнительны, словно у опытной танцовщицы. Волосы Лизи — длинные, темные, обычно распущены, подчеркивая вызывающий контраст с ее светлой кожей и ярким макияжем, который лишь усиливает её выразительные глаза. Взгляд у неё глубокий, с нотками тайны и непредсказуемости, что вызывает как восхищение, так и лёгкое опасение.

Она не просто танцует — в каждом её движении прослеживается сила и независимость, одновременно отстранённость и приглашение к близости. Лизи легко общается с посетителями, умело управляя ситуацией и поддерживая нужный уровень напряжённости в атмосфере клуба. Она не только исполнительница, но и своеобразная «хранительница» пространства клуба, что отражается в её уверенной позе и спокойном, но властном тоне.

Ее гардероб — смелый и эффектный, подчёркивающий безукоризненную фигуру, с элементами, играющими на грани дозволенного, благодаря чему она всегда в центре внимания и остаётся незабываемой частью клубной ночи. Несмотря на яркий внешний образ, в Лизи угадывается опытная женщина, для которой этот шумный и пестрый мир — и работа, и своего рода убежище.

Черные леггинсы, одолженные у ее коллеги, давали Мирэ хоть какую-то защиту от взгляда и холода.

Она прошла в зал, где пространство дышало музыкой и движением. Танцпол — клубное сердце — был огромен, блестел от света, заполненный прыгающими и кружившими телами. Барная стойка из темного дерева с подсветкой служила островком среди шума, где заказывали коктейли, а за ней бармены движениями мастеров сливались со световыми потоками. В воздухе висело напряжение — смесь ожидания, азарта и одиночества.

Встреча с Кимом, платье Лизи, черные леггинсы — все это словно маскировка, прикрывающая раны, превратившиеся в зияющие черные дыры внутри Мирэ. Подсушив волосы, Она пошла в зал. Заказав сок, вскоре оказалась в центре площадки, где начала танцевать под любимую песню. Она пробиралась сквозь толпу, танцевала, пытаясь унять нарастающую внутри бурю отчаяния. Завороженная ритмом, она забралась на стол, чувствуя, как музыка течёт по венам. Танец на столе — попытка вернуться к себе, хотя бы на мгновение. Мелодия напомнила о той её стороне, которую она редко показывает — свободная, сильная, несломленная. Но взгляд высокого брюнета пробил эту маску. Его неподдельный интерес и нахальство раздражали и зажигали одновременно.

Когда он произнёс «Браво», злость вспыхнула в ответ, но под ней пряталась какая-то уязвимость, которую она не хотела признавать даже себе. Спрыгнув со стола, оглушённая музыкой и светом, она направилась к нему, к тому парню из толпы. Перед ней пульсировали разноцветные огни, будто живые, и каждый её шаг отдавался эхом в пустоте внутри. Казалось, свет пытается прожечь её насквозь, раскрыть все тайны, всю боль за маской дерзкой улыбки. Её мысли ворвались вихрем — Сара, её предательство, разбитые обещания. Злость и обида превышали все границы, но под ними пряталось что-то хрупкое, болезненное, что она сама боялась признать. Она пыталась оттолкнуть все это, но каждое движение, каждое лицо вокруг словно добавляли вес этому грузу. Толпа вокруг — тени, мерцание, голоса, смешанные с дымом и запахом алкоголя. В этом хаосе она шаг за шагом приближалась к нему, чувствуя, как сердце разрывается между желаниями и страхом. Его взгляд — пронзительный, зелёный, меняющий оттенки — не отпускал её, вызывая внутреннюю дрожь и одновременно странное притяжение.

Стоя напротив, она ощутила, как время замедляется, а мир вокруг смещается. Это ощущение, словно она стоит на краю бездны — с одной стороны — свобода, с другой — обвал, и она не знает, что выберет. Но голос в голове сказал: «Действуй!».

— Спасибо, но пальцем показывать — невежливо, — её глаза сверкали вызовом.

— Отпусти палец, будь добра, — он ухмыльнулся, пытаясь казаться невозмутимым.

— Где извинения? — она прищурилась, слегка наклонив голову, будто призывая к ответу. И он сделал невинный вид:

— За что?

Но она не растерялась и дерзко поставила ногу между его ног:

— За то, что ты показывал на меня пальцем.

— Ладно-ладно, прости. Довольна? — он медлил, но в голосе слышалась усмешка. —

А теперь убери ножку.

— Ты звучишь неубедительно, — ответила она, укрыв лицо локонами и чуть улыбаясь.

Вдруг он схватил её руку и притянул к себе:

— Прости. Теперь ты должна мне танец.

— Не за что! — выкрикнула она, сердце резко застучало от неожиданности, и её щёки покрылась легким румянцем.

— Нет, детка, ты танцуешь со мной, — прошептал он близко, и она ощутила тепло его дыхания на коже.

— За что? — она сквозь смех закатила глаза, пытаясь сохранить спокойствие.

— За то, что наступила на мои... яички, — он подмигнул, и она не смогла сдержать смех.

Он увлёк её на танцпол, где медленная песня окутала их будто бархатным туманом. Его руки нежно легли на её талию, а её — на его плечи, и их взгляды встретились — ясные, оба чуть смущённые, но полные любопытства.

— Как тебя зовут? — спросили они почти одновременно.

— Мирэ. А тебя? — голос дрожал от неожиданной близости.

— Алам.

— Алам? — переспросила она приподнимая бровь.

— Да. Что здесь удивительного? — он улыбнулся уголком губ.

— Ничего.

Во время танца она словно растворялась в музыке и теле партнёра. Вся боль, обида и горечь, что давно застряли внутри, уходили на второй план, уступая место странному чувству освобождения. Она чувствовала, как ритмы вибрируют в груди, заставляя каждую клеточку трепетать. Его руки на её талии были одновременно опорой и вызовом — они напоминали, что она не одна, но при этом держали во власти этой ночи. В голове мелькали мысли: "Можно ли отпустить страх? Почему в этом танце я вдруг такая настоящая, без масок и доспехов? Этот миг — как глоток воздуха после долгого заточения." С каждым лёгким прикосновением её разум плавно отпускал тревоги, позволяя чувствам идти наперерез логике. Она ловила его взгляд — неизменный и глубокий, как загадка, которую хочется разгадать. В этом взгляде было что-то большее, чем просто интерес — что-то, что отзывалось эхом в сердце, вызывало смешанные ощущения тревоги и надежды. Вместе с музыкой она двигалась плавно и уверенно, отдаваясь эмоциям; чувствовала, как тело поёт, и думала, что, может быть, здесь и сейчас возможна настоящая свобода — свобода быть собой в самый сокровенный момент. Весь мир сузился до их танца, до его прикосновений и её дыхания, крошечного островка света посреди ночи, где она могла забыть обо всех страхах. Этот танец стал не просто движением — он стал историей, которую она проживала заново, открывая для себя части себя, которые прятала даже от самой себя.

Песня медленно стихала, и с каждым её последним аккордом в ней просыпалась тревога. Танец, казавшийся таким естественным и свободным, вдруг превращался в тяжёлое бремя.

Воздух вокруг стал резким, звуки — глухими, а свет — неудержимо ослепляющим. В голове рванулись мысли — усталость, разбитые надежды и страх остаться одной среди чужих лиц. Она отступила, чувствуя, как сердце колотится в груди с безумной силой. Её ноги словно сами понесли прочь от клуба, от этой бешеной энергии, что одновременно манила и пугала. Паника вспыхивала в каждом вздохе, и она хаотично оглядывалась, пытаясь найти путь наружу. Все смеялись, танцевали, но для неё этот мир перестал существовать — тут были только она и её желание сбежать. Сзади раздался его голос, тихий, но настойчивый:

— Мирэ, подожди!

Она ускорила шаг, а сердце решительно велело не оглядываться. Но он шагал рядом, не отставая, его присутствие одновременно вызывало раздражение и сомнительное чувство безопасности. Страх переплетался с любопытством и странной надеждой. Мысли кружились, переполнялись тревогой — «Почему я не могу просто уйти? Что меня держит? Этот парень — угроза или спасение?». Внутри всё дрожало, но тело не слушалось полностью. Этот момент — граница между прошлым и неизвестным будущим, между одиночеством и возможностью довериться. Так она мчалась к выходу, в голове шуршали желанные и неожиданные мысли, а он — рядом, тенью, которая не отступает. И ночь, казавшаяся сначала веселой и яркой, вдруг обернулась в зыбкую игру с тенями, где грани реальности сгущались и тонули в тишине предчувствий...

— Куда идёшь, детка? — нарушил тишину он.

— Я — Мирэ! — ответила она с твердостью и легкой злостью.

— Но куда?

— Жопой резать провода, — фыркнула она, улыбаясь собственной дерзости.

— Что? Серьёзно? — нахмурившись, спросил он.

— Нет, — легко бросила она, глядя оценивающе.

— Что значит «нет»? — он смотрел недоуменно.

— Ты дурак или прикидываешься? — он снова начинал её раздражать.

— Умнее тебя уж точно. — фыркнул он.

— Уверен? — спросила она с вызовом.

— Сто процентов! — он ответил ей тем же вызовом.

— Тогда угадай, куда я иду. — хитро улыбнувшись, сказала она.

— Домой?

— Бинго, сэр. Вы так умны. — опять сарказм, опять защитная реакция.

— Мирэ, может, останешься?

— Нет. — твердо и решительно отрезала она.

— Можно проводить?

— Умные люди не спрашивают, — она бросила взгляд, полный иронии и лёгкой игривости.

Они шли молча, и она ощущала, как он украдкой ловит её образ своим взглядом.

— Ты сейчас во мне дырку просверлишь, — шутливо сказала она.

— Что? — отреагировал он, приподняв голову.

— Хватит на меня пялиться.

— Это запрещено? Я думал, у нас свободная страна, — она усмехнулась, не убирая взгляда.

— Прекращай, думать — не твоё, — он усмехнулся в ответ, и она поняла — эта ночь обещает быть непредсказуемой.

В каждом слове, взгляде она чувствовала нарастающую игривую напряжённость, теплоту прикосновений и непредсказуемость момента. Ведь даже в самой дерзкой игре есть место для уязвимости и смеха, для первого настоящего дыхания свободы.

Путь домой стал чередой тягучих шагов по мокрому асфальту, отражающему холодный свет фонарей и мерцающие тени. Дождь уже стих, оставив после себя влажный запах и тишину, в которой она слышала только свой шаг и дыхание. Его молчаливое присутствие и постоянный взгляд будто велели не убегать, но с каждой минутой внутри неё росло тревожное ощущение, что эта ночь может закончиться чем-то необратимым. Вдруг яркий свет ослепил её на переходе: цвет, что ворвался в глаза, как взрыв воспоминаний и страхов. Алам резко схватил её, потянул к себе — и она упала, ощутив голос, полный тревоги и надежды:

— Мирэ! Очнись!

Но тьма накрывала её все плотнее, и звук его голоса становился все более далеким и искажённым, как будто они принадлежали разным мирам. Ей казалось, что что-то потаённое и страшное надвигается из глубин... и она уже не могла бороться с этим холодным вихрем, который засасывал её внутрь.

Неспособность вырваться, нарастающая темнота и чувство полного исчезновения – вот что стало концом этой ночи. Тревожное молчание наполняло воздух, словно предвестник беды, заставляя сердце биться все быстрее в ожидании неизвестного кошмара...

Глава 2. Видения в пустоте

Тьма обволакивала Мирэ, густая и вязкая как нефть. Она не чувствовала тела – ни сердцебиения, ни дыхания. Только бесконечный гул, похожий на эхо далёкого прибора. Где-то на границе сознания вспыхивали образы, яркие и болезненные, словно осколки разбитого зеркала. Она не могла пошевелиться, не могла закричать. Лишь наблюдать.

Кухня. Ночь. Ей четырнадцать. Брэм Блеквуд сидит в своём атласном халате, пенсне поплёскивает в свете лампы. Его голос ровный, но глаза – два колодца скорби.

— Мирэ, милая, садись. Дипломат должен говорить правду, даже самую горькую.

Она впирается пальцами в подлокотники кресла. В её голове проносятся сотни страшных мыслей.

— Дедушка — она осторожно зовёт его, но резко в голове всплывает мысль: «Родители. Они уже должны были вернуться из поездки» — Где мама и папа? Что случилось?

Он вздыхает, снимая пенсне.

— Их машина на горной дороге. Водитель уснул. Сорвались в пропасть. Тысяча метров. Мгновенно. Никаких мук.

Слова падают как камни в воду. Круги расходятся в её душе – шок, отрицание, пустота. Брэм обнимает её, но она уже не здесь. В голове – ровный голос, первый раз: «Я здесь. Ты не одна.»

Темнота. Вспышка. Дождь хлещет по чёрным зонтам. Могила – открытая рана в земле. Мирэ стоит, дрожа от горя и слёз, платье липнет к телу. Брэм рядом, трость утопает в грязи. Люди шепчутся «Бедная девочка». Она не слышит. Только голос в голове, спокойный, как озеро:

«Ты не одна. Держись. Это не конец.»

Она падает на колени в грязь, кричит в пустоту. Голос повторяет: «Я всегда рядом». Впервые она не списывает на шок. Это реальность. Кто-то – или что-то – внутри неё.

Вновь темнота и вспышка. Ей шестнадцать. Кафе у школы. Сара Кейн напротив. Раньше они были неразлучны. Теперь Сара опаздывает, смотрит в телефон, хихикает над сообщениями.

— Опять он? — Мирэ хмурится.

— Дамиан? Да просто друг, — Сара машет рукой. — Расслабься!

Голос в голове шепчет: «Она не та, за кого себя выдаёт. Осторожно».

Мирэ игнорирует. «Просто паранойя». Но Сара меняется. Секреты. Ложь по мелочам. «Забыла про наш уговор». «Прости, дела». Голос повторяет: «Она предаст». Три года предупреждений. Мирэ отмахивалась. До сегодняшней ночи.

Темнота. Вспышка. Два дня назад. Сара в тёмном переулке, шепчется с мужчиной в дорогом пальто. Его лицо в тени, но глаза – стальные, безжалостные. «Девчонка мешает. Убери её. Затерянная страна не должна открыться». Сара кивает, голубые глаза холодны. Деньги переходят из рук в руки. Поцелуй – не дружеский.

Тогда Мирэ думала, что ошиблась. Это кто-то другой. Это не могла быть Сара

Темнота. Мирэ кричит «Предательница!» Голос в голове подтверждает: «Я предупреждал. Теперь слушай».

Видения гасли. Тьма расступалась. Пищание аппаратов, запах антисептика. Голос врача: «Она приходит в себя!» Мирэ открыла глаза. Белый потолок больницы. Рядом – Алам, бледный, сжимает её руку. Брэм в углу, пенсне запотело.

— Мирэ — Алам выдыхает.

Она не отвечает. В голове – он: «Теперь ты знаешь. Путь назад закрыт. Ищи затерянную страну».

Сердце стучит. Предательство Сары – не случайность. Кто-то хочет её смерти. И голос не галлюцинация. Ангел? Демон? Хранитель?

Глава 3. Тени прошлого

Палата встретила Мирэ чистым запахом хлорки с ноткой океанического освежителя воздуха – стены в светло-бежевом тоне с декоративной штукатуркой и мягкими текстильными панелями, встроенные светильники на потолке заливают пространство дневным светом, панорамное окно открывает вид на ухоженный сад с фонтаном и скамейками под кленами. Регулируемая кровать с прикроватным пультом управления, капельница на хромированной стойке, монитор с чётким ЖК-экраном показывает пульс 72. Рядом кулер с водой, зарядка для телефона. Напротив кровати белый диван, два кресла и кофейный столик. Видения жгли память, но Мирэ мочала.

Брэм Блеквуд стоял у окна. Он смотрел в даль с тревогой о внучке. Сотни мыслей беспокойно пронеслись в его голове. Алам сидел рядом с Мирэ и сжимал её руку.

— Мирэ, ты нас напугала, — голос ровный. — На переходе ты замерла. Фары грузовика. Я дёрнул в последний момент. Еле успел.

Дверь бесшумно скользнула в пазы. Полицейский – лет тридцати пяти, подтянутый, чисто выбритый, короткая стрижка, в новой форме с начищенными погонами Капитана, кобура на магнитном замке, на лацкане – пластиковая ID-карта с чипом и фото. Он вошёл в палату с планшетом вместо блокнота.

— Мисс Блеквуд? Я Капитан Джон Ратц. Инцидент классифицирован как несчастный случай, — голос чёткий, профессиональный, без лишних эмоций. — Водитель прошёл алкотестер 0.00 промилле, тормозной путь 18 метров – норма для мокрого асфальта. Видимо вы на что-то отвлеклись. Распишитесь на экране пальцем.

Мирэ коснулась голографического поля – подпись засветилась зелёным. *Несчастный случай? Нет. Сара. Дамиан. «Убери её». Пытались задавить.* Вслух – молчание. Кивок.

— Благодарим за оперативность, Капитан, — Брэм проводил его взглядом. Полицейский кивнул и бесшумно вышел.

Алам переглянулся с Брэмом. Дверь снова открылась – врач, женщина около пятидесяти, в идеально выглаженном белом халате с сиреневыми петлицами на плечах, аккуратный пучок седеющих волос, тонкие очки в стильной оправе на серебряной цепочке, стетоскоп премиум-класса в боковом кармане. Бейджик с именем: «Др. мед. наук Эмма Майер». В руках – планшет последней модели в защитном чехле.

— Мисс Блеквуд, все показатели в норме: АД 115/75, пульс 72, ЭКГ без отклонений, оксигенация 98%, анализы крови идеальны. Посттравматический шок купирован медикаментозно. Так что мы вас выписываем, — поправила очки, свайпнув по экрану с графиками. — Но рекомендуем вам: 10 часов сна в сутки, полный покой 7 дней, исключить стрессоры и физические нагрузки. На этом всё. Хорошего вам дня.

Мирэ кивнула. Брэм расправил плечи:

— Благодарим вас, доктор Майер. Я лично всё проконтролирую.

Врач вышла из палаты, которая резко наполнилась тишиной. Алам встал и было заметно, как он немного нервничает:

— Я должен идти. Важные дела. Выздоровливай. Ещё увидимся.

Он быстро ушёл. Мирэ уловила озноб – как будто его уход оставил вакуум.

Через два часа такси премиум-класса мягко затормозило у подъезда. Брэм помог Мирэ выйти из машины. Его трость нервно стучала по асфальту. В полной тишине они поднимались в лифте с зеркальными стенами. Дома запах кофе сменился лекарствами из аптечки. В тот вечер Брэм Блеквуд сильно перенервничал из-за звонка из больницы.

— Ступай отдыхать, — сказал он подав стакан воды с лимоном внучке. — Врач права. Сон – лучшее лекарство.

— Спасибо дедушка, — Мирэ обняла его и ушла в свою комнату.

Комната. Кровать. Сон накрыл.

В гостиной Брэм разглядывал фотографию – молодая пара улыбается на фоне гор.

— Что же мне делать? — Мужчина снял свое пенсне — Я боюсь, что могу потерять её, как когда-то потерял и вас мои дети.

Квартира погрузилась в тишину. Закат близился к концу. Тьма всё сильнее окутывала комнату, лишь горящая свеча освещала тоску и печаль Брэма по сыну и невестке:

— Я помню вашу просьбу. Я должен всё рассказать, но что если... Нет, — его голос дрожал. — Я выполню вашу просьбу. Через три дня на её двадцатилетие я расскажу ей всё что знаю и передам ей ваше письмо.

Трость стукнула по паркету. Шёпот:

— Не переживайте, сэр. Я помогу ей. — незнакомец появился из тени. Брэм поднял свечу, чтобы осветить лицо незнакомца:

— Ты? — Старик замер и хотел задать ещё один вопрос, но незнакомец перебил его:

— Тише Не разбудите Мирэ. Я обещаю вам, что она будет под моей защитой, — после этих слов незнакомец отступил во тьму и также тихо исчез, как и появился.

Брэм вернул фото на полку. Взглянул на часы на стене «22:00». Он с осторожностью вышел в коридор прислушиваясь к каждому шороху. Проходя мимо комнаты внучки, он замер на пару секунд. Тишина. Она спит. «Сладких снов, милая». Мужчина с грустью выдохнул и ушёл спать.

Часы в гостиной пробили полночь. Мирэ крепко спала, но все мысли дня проникли в её подсознание показывая ей сон или всё же видение. Перед ней всплывали детали прошлого.

Вот ей шесть лет. Родители укладывают её спать. Рассказывают сказки о другом мире с существами и волшебством. Она смеётся и мечтает туда попасть, а папа говорит: «Сначала тебе нужно подрасти». Мама поёт ей колыбельную и она засыпает.

Мирэ почти четырнадцать лет. Родители вернулись из очередной поездки. В руках у папы старый тубус. Мама на кухне что-то рассказывает дедушке. Обрывки фраз: «Мы нашли ещё одну подсказку», «Вы уверены в том, что это нужно делать?», «Отец, если мы». Мужчина замечает свою дочь. Мама уводит её в комнату, а двери на кухню закрываются.

И вот ей исполняется четырнадцать, а через неделю после дня рождения родители уезжают и больше не возвращаются. Похороны. Голос в голове.

Три года назад. Сара знакомится с Дамианом. «Он просто друг». Подруга всё чаще пропадает. Начинает что-то скрывать. Тайны. Ложь. Голос: «Не верь ей!». Мирэ игнорировала.

Месяц назад. Сара приглашает в клуб. Они танцуют, веселятся, пьют коктейли. Голос: «Не пей! Езжай домой!». Мирэ слушается и у ходит. Сара пытается остановить её, но не выходит. Шёпот подруги: «Чёрт».

Неделю назад. Подруга приносит любимое пирожное Мирэ. Голос: «Не ешь!». Мирэ отказывается ссылаясь на плохое самочувствие. Сара выглядит злой и расстроенной.

Вчера. Предательство по телефону. Мирэ одна идёт в клуб. Знакомится с Аламом. Он провожает её домой. Вспышка фар, грузовик. Темнота. Видения.

Мирэ резко просыпается в лёгких не хватает воздуха. Множество вопросов: «Что искали родители?», «Что за затерянная страна?», «Почему Сара меня предала?», «Зачем им моя смерть?».

Глава 4. Ловушка заботы

Солнечные лучи пробивались сквозь шторы, рисуя золотые полосы на паркете. Часы показывали 9:15. Мирэ проснулась с тяжёлой головой, вопросы из ночного ведения мучали её. Телефон завибрировал на прикроватной тумбочке – Сара.

— Мирэ, солнышко! — голос подруги лился мёдом, фальшивее обычного. — Как ты? Узнала от общих знакомых про вчерашний кошмар на переходе. Боже, грузовик! Ты цела?

Мирэ сжала телефон. *Знакомых? Или следила?*

— Жива. Спасибо.

— Я так виновата, что не пошла с тобой в «Flay»! Этот Дамиан ну, ты понимаешь. Позволь загладить вину! Давай встретимся в час дня в кафе у музея? Выпьем кофе и съедим по круассану за мой счёт. Я хочу тебя поддержать!

Голос в голове, резкий: «Не ходи! Ловушка!». Мирэ помедлила, придумывая отговорку:

— Прости, но нет. Я плохо себя чувствую, а врач велел покой.

Сара молчала несколько секунд, а после продолжила с дрожью в голосе:

— Ох, бедняжка Может тогда я приду к вам с кофе и пирожными? Твои любимые эклеры! *Пирожные.* Мирэ вспомнила свой сон и тот самый момент с пирожными:

— Нет, спасибо. Сара, прости, но я сильно устала и хочу спать.

— Ну ладно Выздоровливай скорее! Я позвоню тебе позже.

Гудки. Мирэ откинулась на подушку, сердце колотилось. Она не сдалась.

Сара ворвалась в квартиру, которая занимала весь верхний этаж элитного дома – мрачная крепость из чёрного мрамора и стекла. Стены увешаны абстрактными картинами с изображением хаотичных воронок и глаз, пол – темный гранит, отражающий тусклый свет одного единственного светильника в форме шипа. Воздух пропитан запахом дорогого виски и кожи. Центральный стол из дуба уставлен картами, компасами с рунами и странными артефактами – кристаллами, пульсирующими красным. Окна тонированные настолько, что даже солнечный свет едва видно. Сара швырнула сумочку на диван из чёрной кожи. Её лицо было искажено злостью.

— Дамиан, всё рушится! Сначала коктейль – она не пьёт! Пирожное – ей плохо! Сейчас она отказалась от кофе и сказала, что хочет спать! А грузовик? Она выжила! Это провал!

Дамиан – высокий блондин, в строгом чёрном костюме, лицо с резкими скулами, глаза стальные, как лезвия – откинулся в кресле, вертя в пальцах хрустальный бокал. Его голос был ледяным:

— Успокойся. С грузовиком нам повезло. Капитан Ратц перехватил дело – классифицировал «несчастный случай». Без протокола, без следствия. Мы чисты.

Из тени у бара вышел Капитан Ратц – всё в той же форме, но погоны тускло блестят в полумраке. Его улыбка была хищной, а манера речи звучала иначе, чем в больнице, она была надменной:

— Именно, босс. Я подменил данные в системе, а девчонка всё подписала. Никто копать не будет. За 50 тысяч – любое дело становится несчастным случаем.

Сара фыркнула, её глаза полыхнули огнем.

— 50 тысяч?! Да лучше бы ты её задавил!

Она ушла, хлопнув дверью в боковую комнату. Топот её каблуков затих. Ратц подошёл ближе, понизив голос:

— Дамиан, давай упростим. Две девушки – одна пуля. Сара плюс Мирэ. Я организую. Чисто и тихо.

Дамиан медленно покачал головой, постукивая пальцем по карте с рунами. В центре был нарисован символ врат.

— Нет. Сара ещё полезна. Она лучшая подруга Мирэ и знает все её привычки. А девчонка её надо убить, до её двадцатилетия.

Ратц кивнул, сливаясь с тенью.

— Понял. Какой у нас теперь план?

За окном уже темнело, когда Мирэ вышла из своей комнаты. Весь день она провела в мыслях, пытаясь найти ответы на все вопросы в своих воспоминаниях. Босая и в пижаме она вошла в гостиную. Комната дышала историей: потертый паркет с инкрустацией, тяжёлые бархатные шторы цвета спелой вишни, стены обклеены обоями под тёмное дерево с семейными портретами в золочёных рамах. Над электрическим камином – семейный портрет в полный рост. Массивный книжный шкаф из красного дерева ломился от книг, глобусов и старинных артефактов – компас с рунами, резной амулет. В углу старый граммофон с виниловыми пластинками. Центральное место занимает круглый стол с кружевной скатертью, сервированный фарфоровым сервизом. Воздух пахнет кофе, кожей старинных кресел и лёгкой пылью времени. Лампа с зелёным абажуром отбрасывает тёплый свет на кресло, где сидит Брэм, листая семейный альбом.

— Дедушка? — тихо позвала Мирэ.

Брэм вздрогнул, закрыл альбом.

— Мирэ! Не спится? Садись рядом.

Она опустилась на кресло, подтянув колени.

— Что смотришь?

Пауза. Брэм вздохнул:

— Вас вспоминаю. Тебя малышку. Их счастливые времена.

Мирэ сжала ладони. Она хотела рассказать дедушке всё, но передумала. Ей не хотелось пугать или расстраивать его.

— Деда Я знаю, что родители были археологами, но что они искали?

— Они любили свою работу они искали очень ценные артефакты. — он затаил дыхание. Ему было нужно время. — Может завтра днём навестим их? Подышим свежим воздухом. Согласна?

— Я только за, — её улыбка была грустна.

Брэм устало улыбнулся, погладил альбом.— Пойдём спать. Завтра нас ждёт новый день.

Глава 5. Полночь правды

Наступил день. Мирэ и Брэм отправились на кладбище. Путь был не близкий. Спустя два часа такси остановилось у кованых ворот кладбища, где густые кроны лип и дубов отбрасывают густую тень на гравийные дорожки. Летний воздух был тяжёлый от жары, смешанной с запахом нагретой земли, сосновой хвои и далекого ладана от часовни. Солнце палит немилосердно, вороны каркают с крестов, надгробья – от скромных плит до склепов с ангелами – мерцают в мареве, венки вянут под лучами.

Брэм с тростью шагал медленно, Мирэ держала его под локоть. Дорога вилась мимо могил знаменитых людей и «Вечного огня». Могила родителей выделялась среди других: высокий гранитный обелиск из чёрного полированного камня, основание – прямоугольная плита с выгравированными серебром именами: «Уильям и Катрина Блеквуд. Вечная память». По боковым граням – тонкие руны, переплетённые как корни древнего дерева. Над именами барельеф: стилизованные врата с магическим сиянием, поддерживаемые двумя фигурами – женщина с лирой и мужчина с компасом. Ваза по бокам с цветущими белыми лилиями, у подножия – мраморная плита с цитатой: «Искатели ушедших миров».

— Помнишь, папа катал тебя на плечах по аллеям летом? — Брэм улыбнулся сквозь грусть, касаясь барельефа. — Тебе пять, жара, ты кричишь: «Выше к облакам!», а он: «Мирэ – археолог мечтательница!»

Мирэ коснулась камня, тёплого от солнца.

— Мама плела венки из ромашек. «Для духов древних, – шептала. – Хранят наши тайны». Я верила, ждала новых сказок.

Брэм положил лилии на могилу.

— Артефакты привозили – камни, карты. «Для большой находки». Ты – их свет.

Они ещё долго стояли в тишине, слушая звуки природы и каждый думал о чём-то своём. Брэм оглянулся.

— Мирэ, подожди меня здесь. Мне нужно поговорить со знакомой.

Брэм ушёл к склепу, поросшему плющом. Там его уже ждала женщина. Камилла – худощавая шестидесяти летняя старушка в черном платке с бахромой. Выбившаяся прядь седых волос из-под платка сияла на солнце. Она сидела на скамейке держа на коленях маленький резной сундучок размером с книжку. Её черное платье едва касалось земли. Услышав шуршание гравия, она подняла глаза наверх. Её голубые пронзительные глаза горели от счастья встречи с близким другом.

— Брэм Время пришло. — она протянула ему сундучок из темного дерева. — Будь осторожен его ищут.

Брэм быстро спрятал его за пазухой.

— Рисквала

— Ради неё. Ступай. Надеюсь мы ещё свидимся.

Отмычка повернулась, замок щёлкнул. Сара и Ратц вошли в квартиру. Вступая во мрак прихожей, они включили фонарики на лбу.

— Я в гостиную, ты – в комнату старика. — скомандовал Ратц, толкая Сару плечом Сара закатила глаза.

— С чего ты раскомандовался, коп?! — прошипела она. — Ты мне не босс, придурок.

— Заткнись и ищи! Дамиан не простит провала!

Ей всё же пришлось последовать его плану. Скривив губы и что-то бурча себе под нос она ушла в комнату Брэма. Она осторожно вошла в спальню деда – личное убежище аристократа. Стены обиты тёмно-зелёным бархатом, книжные шкафы заставлены томами в кожаных пере-

плётах. У окна дубовый стол с бумагами. В ящиках стола: лупа, компас с рунами и какие-то амулеты. Она быстро обыскивала все ящики, выкидывала книги с полок, снимала картины со стен. И вот над кроватью за портретом Уильяма сейф. Дрожащей рукой она вращала отмычкой в замке сейфа, но тот оказался пуст. «Чёрт!» Перевернув всю комнату вверх дном, она вышла в гостиную.

— Сейф пуст! Ты что-нибудь нашёл?

В гостиной царил хаос. Ратц методично уничтожал всё: бархатные шторы сорваны с карнизов, фарфоровый сервиз вдребезги – осколки чашек хрустят под ботинками. Кружевная ска-терть разорвана, круглый стол перевернут. Граммофон разобран – игла сломана, виниловые пластинки треснули. Картины семейных портретов и фотографии – на полу, холсты порваны. Книжный шкаф опустошён: тома валяются раскрытыми, глобус катится к двери. Зелёный аба-жур лампы разбит, свет от голой лампочки режет глаза. Перья от подушек летают в лучах фона-рика, как снег. Ратц вынырнул из-под дивана:

— Ничего! Они пронюхали?!

Сара топнула, наступив на фарфор:

— Дамиан взбесится! Два часа – и пусто! Твоя вина, коп недоделанный!

Ратц вскочил, схватил её за ворот:

— Моя?! Ты портрет нашла первой, а сейф пустой! Может, спрятали у девчонки?!

Сара вырвалась, ударив его по руке:

— Не трогай меня!

— Тише! Дура.

На лестничной клетке послышались голоса. Брэм и Мирэ возвращались домой.

— Чёрт! Это они. Давай на кухню, там через балкон по пожарной лестнице.

Ключ в замке щёлкнул. Мирэ с Брэмом вошли в дом над чем-то смеясь. Войдя в гостиную Мирэ замерла от ужаса.

— Дедушка! Воры! Всё уничтожили!

Брэм вошёл, сжал трость. Взгляд пробежал по разгрому – сундучок жёг карман.

— Нет, внучка. Не воры. Ищут конкретное.

— Кто бы это ни был, нужно звонить в полицию.

— Завтра. Они всё равно ушли ни с чем.

— Кто они? — Мирэ сжала кулаки. — Сара? Дамиан?

— Откуда Ты знаешь Дамиана? — Брэм побледнел.

— Дамиан парень Сары — Мирэ вдохнула глубже. — Я не хотела тебя расстраивать. Но на переходе это была неслучайность. Они пытались убить меня. — её голос дрожал.

Брэм сел в кресло. Его лицо было мрачнее тучи. Часы пробили полночь. «Пора». Он достал сундучок и протянул его внучке.

— Я не мог рассказать тебе об этом раньше. Твои родители перед последней поездкой попросили меня спрятать этот сундучок до твоего двадцатилетия. В нём лежит письмо и свиток с подсказкой.

— Дедушка, что всё это значит?

— Прочти письмо родителей. В нём есть вся информация. Если у тебя останутся вопросы, то я на них отвечу, а пока я сделаю нам чай. И да Прости, что твой день рождения так испорчен.

Мирэ грустно улыбнулась и взяла сундучок дрожащими руками. Заглянув в него, она увидела письмо в конверте с восковой печатью и свиток с рунами, перевязанный черным куло-ном в виде кристалла. Она сломала печать и развернула письмо:

« Мирэ, ты наше самое большое сокровище! Если ты читаешь это письмо, то мы не смогли рассказать тебе эту тайну сами и нас больше нет рядом с тобой.

Ты родилась не здесь. Ты из затерянной страны Эйридан – мира магии, древних существ и врат между реальностями. Когда тебе был год, врата закрылись за нами во время побега. Мы искали новые пути назад – годы поисков, карты, артефакты. Мы нашли подсказку. Этот свиток – карта к следующей подсказке, до которой мы не смогли добраться. В кулоне запечатана твоя сила, береги его.

Ты последняя надежда Эйридана на существование и процветание. Но есть те, кто хочет, чтобы врата были закрыты навсегда. Дамиан – тёмное существо. Он хочет править тем миром. Берегись его и тех, кто рядом с ним.

С днем рождения! С любовью, папа Уильям и мама Катрина.»

Мирэ замерла, пальцы сжали бумагу. Свиток чуть светился в полумраке. Кулон из сундучка задрожал на столе. Из кухни – звон посуды. Брэм вернулся с двумя кружками чая, лицо строгое.

— Прочла?

Мирэ кивнула, голос сел:

— Они знали. Дамиан охотится.

Глава 6. Хозяин и его солдаты

Квартира на верхнем этаже всё также напоминала мрачную крепость: чёрный мрамор пола, тёмные стены с абстрактными картинами-вихрями и глазами, тусклый свет от единственного светильника, похожего на заострённый шип. Запах дорогого виски, кожи и сигар густо висел в воздухе.

Дамиан стоял у панорамного окна, сжимая в руке бокал. Отражение ночного города дрожало в стекле. Челюсть ходила ходуном, пальцы с такой силой сжимали стеклянный стакан, что он негромко поскрипывал.

— Объясните мне, — голос звучал ровно, но под ним чувствовалась сталь, — как вы ухитрились вернуться от Блеквудов с пустыми руками?

Сара и Ратц стояли посреди комнаты, как школьники у доски. Лицо девушки было перекошенным от злости. Капитан полиции Ратц стоял сложив руки в карманы. На его лице была надменная полуулыбка. Он чувствовал себя более уверенным, чем его подельница.

— Это всё из-за него! — Сара первой сорвалась, ткнув пальцем в капитана. — Командовал, как генерал, а в итоге — ни сундучка, ни бумаги! Он даже сейф нормально не проверил!

Ратц фыркнул, чуть подавшись вперёд.

— Серьёзно? Ты снова всё портишь, а виноват я? Ты первая нашла сейф. Пустой. Может, старик успел унести всё, пока ты превращала спальню в свалку?

— Да если бы ты не заставил меня лезть туда одной, я бы всё нашла! — голос Сары дрогнул от злости. — Ты только и умеешь, что пинать двери и брать деньги за «несчастные случаи»!

— Зато я, в отличие от некоторых, делаю грязную работу и в форме, и без, — прошипел Ратц. — Кто не смог нормально отравить девчонку? Из-за твоих нервов она всё ещё жива, спокойно гуляет по кладбищу, а мы как идиоты роемся в пёрышках!

— Это твоя вина! Ты обещал, что «один удар — и всё». В итоге — несчастный случай, Мирэ цела, а теперь ещё и этот цирк с квартирой!

— Хватит, — голос Дамиана разрезал воздух.

Бокал в его руке дрогнул, тонкая трещина побежала по стеклу. Он медленно повернулся. Его взгляд был ледяным, но собранным.

— Ещё одно слово «это не я» — и я перестану тратить на вас время, — тихо сказал он. — Время — единственное, чего у меня мало. В отличие от вас.

Сара шумно сглотнула. Ратц напрягся, но не отвёл взгляда. Резкий звонок разорвал тишину. Капитан посмотрел на дисплей и поморщился.

— Дежурная часть, — раздался голос в трубке на громкой связи. — Вызов на осмотр. Квартира Блеквудов. Возможно ограбление.

— Вас понял. Выезжаю. — голос капитана резко стал официальным.

Дамиан приподнял бровь.

— Иди, капитан, — в голосе прозвучала едкая насмешка. — Покажи, как полиция «работает».

Ратц кивнул и развернулся к двери. Сара тяжело выдохнула, подошла к бару и налила себе виски дрожащей рукой.

— Дамиан, я — голос сорвался. — Я не хотела всё испортить. Я сделаю, как ты скажешь. Любое дело. Только дай шанс.

Он повернул голову. Взгляд оставался холодным, но, задержавшись на ней, едва заметно смягчился.

— Сара, — он впервые за ночь произнёс её имя тихо, почти ласково. — Я знаю, ты старалась. Просто старания без результата — роскошь, которой у нас теперь нет.

Он подошёл ближе, аккуратно забрал стакан из её рук, едва коснувшись кончиками пальцев её руки.

— Ты мне нужна, — его голос стал ещё мягче. — Живая, рядом и собранная. Не истеричная. Держи голову холодной. И больше не действуй одна, без капитана.

Он бросил короткий взгляд в сторону двери, где только что исчез Ратц:

— А подставлять тебя – больше в его интересах не будет.

Сара сжала губы, кивнула, цепляясь за его прикосновение, как за доказательство: *он всё ещё со мной.*

Когда дверь за Ратцем закрылась, Дамиан ушёл в свой кабинет. Замок щёлкнул почти беззвучно.

Сара опустилась в кресло, чувствуя, как напряжение прокатывается по телу волнами.

Он не злитя на меня по-настоящему, убедительно шептал внутренний голос. Если бы злился – не трогал бы так осторожно. Не сказал бы, что я ему нужна.

В памяти всплыл совсем другой вечер – тот, первый, когда он ещё не швырял бокалы в стены, а просто сидел рядом, слушая.

Запах тогда был другой – не порох и сигареты, а пряный чай и его тёплый, тонкий парфюм. Свет – не холодный белый, а мягкий, жёлтый, от лампы с тканевым абажуром. Она тогда сбивчиво рассказывала про тесную коммуналку, отца-алкоголика, про то, как в шестнадцать лет украла чужой кошелёк, чтобы поесть.

Он не перебивал. Только смотрел, чуть наклонив голову. А потом просто вытер ей слёзы пальцами – осторожно, как будто она действительно могла разбиться.

«Со мной тебя больше никто не тронет» – сказал он тогда тихо, почти шёпотом. «Я заберу тебя оттуда. Ты будешь жить так, как заслуживаешь. Не в грязи, не в подворотнях».

Он забрал. Квартиры, отели, белые простыни, которые пахли не дымом, а безопасностью. Его рука на её спине – уверенная, властная, но в те ночи удивительно тёплая. Он мог часами гладить её по волосам, по коже, будто запоминал каждый сантиметр, как карту нового мира. В эти моменты ему не нужны были ни кристаллы, ни врата, ни Эйридан – только она и его собственное ощущение власти, которое он умел маскировать под нежность.

Тогда он был мой думала она. Не чудовище. Не полностью. Для всех – монстр. Для меня – тот, кто спрашивал, не холодно ли мне, а не просто отдавал приказы.

Сейчас он был другим. Холодным, острым, как лезвие. Но она цеплялась за те мелочи: за то, что он забрал у неё стакан, а не выбил его; за мягкое «ты мне нужна»; за то, что сказал «держи голову холодной», а не «убирайся».

Если я приведу ему Мирэ, мысль вспыхнула жарко, если я докажу, что могу, он снова станет тем прежним. Тем, кто гладил меня по волосам и говорил, что я единственная, кому он доверяет. Тем, кто спрашивал, устала ли я, а не только «готова ли».

Рука невольно скользнула к шее, туда, где иногда оставались поцелуи – слишком нежные для человека с таким взглядом.

Я не просто его игрушка, уверяла она себя. Я его выбор. Его женщина. Он не угрожает мне он защищает. Просто по-своему. Жёстко. Как умеет.

Страх понемногу отпустил, уступая место тягучей, почти болезненной преданности.

Я не подведу. На этот раз – нет.

Она залпом допила виски, почувствовала, как тепло растекается по телу, и поднялась. Взгляд стал твёрже. Сара уже не чувствовала себя загнанной. Она снова чувствовала себя солдатом.

Его солдатом.

Квартира Блеквудов встретила следственно-оперативную группу гулкой тишиной и запахом хаоса – пыли, фарфоровой крошки и выдохшегося воздуха.

В шесть утра у двери стояли четверо: следователь среднего роста в чуть помятом пиджаке с папкой в руках, молодой эксперт-криминалист с чемоданчиком и фотоаппаратом на шее, оперативный сотрудник в форме и впереди, как старший, - капитан полиции Ратц, в тёмной форме с погонами.

В прихожей шуршали пакеты для улик, щёлкал фотоаппарат, рация тихо бормотала чужие голоса.

— Доброе утро, — поздоровался следователь, быстро оглядев хозяев. — Следователь Роберт Андерсон. Это ваши владения?

— Да, — Брэм сдержанно кивнул, опираясь на трость. — Брэм Блеквуд. Это моя внучка, Мирэ.

Мирэ сидела на диване, завернувшись в плед. На шее у неё поблёскивал чёрный кристалл-кулон, сундучок стоял рядом на кофейном столике – как обычная шкатулка.

— Работаем по стандарту, — сухо скомандовал Ратц, обводя комнату взглядом. — Эксперт – общий план, затем детали. Опер – подъезд, соседи, камеры. Время фиксируем.

Эксперт кивнул и двинулся по комнатам, фотографируя: разбитый сервиз, порванные шторы, перевернутую мебель, следы обуви на паркете. Первым делом он провёл визуальный осмотр, отмечая способ проникновения и общее состояние помещения, как того требует тактика осмотра квартирной кражи. Пинцетом поднимал осколки, волосы, нитки ткани, складывая их в пакет для улик. На ковре у входа в комнату Брэма он зафиксировал отпечатки подошв на прозрачной плёнке.

Оперативник в коридоре опрашивал соседей, сверяя время, параллельно по рации уточняя у дежурной части данные по отключённым камерам.

Следователь Андерсон тем временем задавал вопросы в гостиной:

— Когда вы ушли из квартиры? — он держал блокнот, время от времени поднимая глаза.

— Около двух часов дня, — ответил Брэм. — Мы с внучкой ездили на кладбище к её родителям.

— Вернулись во сколько?

— Почти в полночь, — вмешалась Мирэ. — Таксист может подтвердить.

Андерсон сделал пометки.

— Врагами обзаводились? Конфликты, долги, угрозы?

Брэм выдержал паузу, взгляд стал жёстче.

— Мы люди не бедные, — сухо сказал он. — Наследство, фамильные вещи Теоретически могли интересовать воров.

— Но ценное не пропало, — заметил Андерсон, оглядывая разгром. — Действовали так, будто искали что-то конкретное.

Капитан Ратц стоял чуть в стороне, контролируя ход осмотра, как это и положено руководителю оперативной работы на месте. Взгляд на секунду зацепился за кулон на шее Мирэ – чёрный кристалл с лёгким внутренним отблеском. Затем перевёлся на резной сундучок на столике. Зрачки едва заметно сузились, но лицо осталось равнодушным.

— Мисс Блеквуд, — обратился к Мирэ Андерсон, — вы не замечали за собой слежки? Подозрительных людей возле дома?

Мирэ на секунду задумалась, вспоминая грузовик, взгляд Дамиана, натянутую улыбку Сары.

— Нет — она чуть запнулась. — Кроме разве что того «несчастливого случая» на переходе четыре дня назад. Но капитан Ратц сказал, что это случайность.

Андерсон бросил быстрый взгляд на капитана.

— ДТП оформлено, — спокойно подхватил Ратц, даже не моргнув. — Проверка проведена, нарушений не выявлено. Документы по линии дорожной полиции у нас есть.

Эксперт вернулся в гостиную:

— Следы проникновения только через дверь. Замок вскрыт аккуратно, без грубой силы. Отпечатки частично есть, но многие смазаны. Вещи перевёрнуты, но, по словам владельца, ценное на месте. Похоже, действительно искали определённый предмет.

Андерсон закрыл блокнот.

— Мы заберём материалы, отпечатки и записи. Камеры в подъезде, к сожалению, в этот день не работали – управляющая компания подтвердила. О результатах сообщим. Постарайтесь пока ничего на трогать, насколько это возможно.

— Благодарю, тихо сказал Брэм.

Капитан Ратц двинулся к выходу.

— Если вспомните хоть что-то необычное – звоните по этому номеру, — он протянул визитку. — В любое время.

Пока следователь разговаривал с оперативником в коридоре, Ратц задержался на секунду у дверного проёма гостиной, будто проверяя его. Телефон в его руке тихо щёлкнул – он незаметно сфотографировал Мирэ с кулоном и сундучком на столе. На долю секунды экран отразил их силуэты, а затем погас.

— Закончили, выходим, — ровно бросил он.

Дверь закрылась. Квартира вновь погрузилась в тишину, нарушаемую только тиканьем часов.

Дамиан сидел в своём кресле с бокалом виски в руке. Свет падал с боку, оставляя половину его лица в тени. Сара ходила по комнате из угла в угол, как зверь в клетке. Капитан Ратц стоял напротив стола, положив телефон экраном вверх.

— Ну? — голос Дамиана был вязким от сдерживаемой ярости. — Скажи что-нибудь, кроме «улик нет».

Ратц усмехнулся уголком губ.

— Улик нет. Свидетелей нет. Камеры «случайно» не работали. Официально – обычная попытка кражи. Ничего не пропало. Никаких ниточек.

Сара саркастично хмыкнула:

— Браво. Капитан полиции в деле.

— Но, — Ратц повернул телефон к Дамиану, — кое-что мы всё-таки нашли.

На экране – Мирэ на диване, побледневшая, но собранная, с чёрным кристаллом на шее. На столике рядом – знакомый резной сундучок. Вокруг кулона в кадре был лёгкий странный засвет, будто свет исходил изнутри.

— Вот оно, — тихо произнёс Дамиан.

Он медленно взял телефон, всматриваясь в изображение. Виски в бокале задрожал. Через секунду он швырнул бокал в стену. Стекло разлетелось осколками, янтарные капли стекали по чёрному мрамору.

— Сундучок у них. Кулон – на ней, — голос стал хриплым. — Она уже получила письмо.

Сара побелела.

— Значит она знает про Эйридан.

— И про меня, — зло добавил капитан. — Могла догадаться после грузовика.

Дамиан поднялся, в глазах вспыхнул холодный огонь.

— У нас два дня до полнолуния. Она не должна получить свою силу. Мы больше не имеем права на ошибки.

Он ткнул пальцем в экран, прямо в изображение кулона.

— Приведи её ко мне. Живой. Если придётся – разберёте дом по кирпичику. Но девчонку и кулон – сюда.

Сара и Ратц переглянулись. Между ними на секунду проскочила искра соперничества – кто из них справится лучше, но страх и зависимость от него оказались сильнее.

Дамиан посмотрел на Сару, и голос его стал мягче, почти интимным:

— Я доверяю тебе, Сара. Ты умеешь быть аккуратной. Не лезь под удар, понятно? Мне не нужны герои – мне нужна ты.

Её глаза вспыхнули слабой надеждой.

— Поняла, — выдохнула она уже увереннее.

— Понял, — коротко ответил капитан.

Сара снова почувствовала себя не пешкой, а выбранной. А Ратц – солдатом, которому придётся добывать для хозяина девчонку и кулон.

Глава 7. Холодный поезд

После ухода полиции прошло два часа. Разгром в гостиной так и остался нетронутым – осколки фарфора хрустели под ногами, перья от подушек оседали на мебели. Мирэ сидела на диване, не сводя глаз с сундучка. Чёрный кристалл на шее чуть теплел на коже.

Звонок в дверь заставил её вздрогнуть. Брэм. Опираясь на трость прошёл к двери. Ему не нужно было смотреть в глазок, чтобы узнать кто за дверью.

На пороге стояла Камилла – всё та же худощавая женщина в чёрном платье и платке с бахромой. Сундучок, который она передала на кладбище, теперь лежал раскрытым на столе. Её голубые глаза внимательно оглядели Мирэ.

— Внучка, — Брэм повернулся к Мирэ, голос стал торжественнее. — Это Камилла. Моя давняя подруга. Она из Эйридана.

Камилла вошла, мягко улыбувшись. Её голос был тихим, но уверенным:

— Здравствуй, Мирэ. С днём рождения.

— Здравствуйте, спасибо. — сказала Мирэ, приглашая гостью сесть рядом.

— Я ушла из Эйридана задолго до вас. — продолжила она отвечая на вопросы в глазах Мирэ. — Я помогла твоим родителям и дедушке устроиться здесь после побега. Этот мир не такой уж чужой, когда знаешь, куда идти.

Мирэ смотрела на неё, пытаясь осознать. Женщина, передавшая сундучок на кладбище – не случайная знакомая дедушки. Она из её мира.

— Ты читала свиток? — Камилла кивнула на сундучок.

Мирэ достала старинный пергамент свёрнутый в свиток. Развернув его она увидела символы. Они были чужими – угловатые, переплетённые, будто живые.

— Не могу Это не язык. Это как код.

Брэм сел рядом, положив морщинистую руку на её плечо.

— Твои родители нашли подсказку перед последней поездкой. Они планировали поехать в деревню в горах. Там живёт Ламия – ведьма, хранительница древних текстов. Она единственная, кто может прочесть свиток. И разбудить твою силу.

Мирэ сжала кулон. Сердце заколотилось.

— Дедушка А если я уеду? Ты останешься один. После всего этого

Камилла покачала головой, её седые волосы блеснули в утреннем свете.

— Мы с Брэмом не останемся. У меня есть убежище за городом – старый дом, защищённый рунами. Никто не найдёт.

— Но как мы будем на связи? — голос Мирэ дрогнул.

Брэм улыбнулся, впервые за день тепло.

— После того, как Ламия раскроет твою силу, ты сможешь говорить со мной мысленно. Телепатия – дар хранителей врат Эйридана. Мы всегда будем рядом.

Камилла достала из сумочки сложенную карту – пожелтевшую, с выцветшими линиями и отметкой красными чернилами.

Поезд до горной станции. Оттуда пешком три часа. Ламия ждёт. Она знает, кто ты.

Мирэ взяла карту дрожащими пальцами. Камилла обняла её, как родная, а Брэм крепко сжал руку.

— Будь осторожна, моя хранительница, — шепнул он. — Не провожай нас и помни письмо.

Дверь квартиры закрылась. Тишина обрушилась, как волна. Тик-так, тик-так.

Мирэ выдохнула и начала метаться по разгромленной гостиной, бросая в рюкзак самое нужное: свиток, карту, немного денег, фонарик, воду, тёплую одежду. Кулон на шее стал теплее

– будто чувствуя её тревогу. Она вздрогнула от телефонного звонка. На экране высветилось имя: «Алам». В её голове пронеслась мысль: «Он мне нужен».

Она ответила, голос был твёрже, чем она чувствовала:

— Алам Мне нужна помощь. Поедем вместе? К к моей тёте в горы. Поезд через час.

Пауза. Затем его голос – спокойный, но внимательный:

— Хорошо. Буду ждать тебя на вокзале через пол часа.

Летний день выдался необычно холодным – небо затянуло тяжёлыми серыми тучами, ветер с гор гнал по платформе клочья пыли и смятые билеты. В воздухе пахло мокрым железом и дешёвым кофе из ларьков. Вокзал гудел: над платформой хрипели динамики с объявлениями, их голос сливался с шарканьем сотен ног, где-то вдали стучали колёса поезда.

Мирэ стояла у края платформы, сжимая рюкзак. Холод пробивал до костей, несмотря на тонкий кардиган – она плотнее запахла его, пряча кулон под тканью. Руны на свитке в кармане казались тяжелее обычного.

Алам появился из толпы – джинсы, тёмная куртка с капюшоном от ветра. В руках небольшой рюкзак, взгляд внимательный, но спокойный.

— Тётя, значит? — он усмехнулся уголком губ, оглядывая её бледное лицо. — Что в рюкзаке? Сокровища?

Мирэ невольно коснулась кулона под кардиганом.

— Всё может быть.

Поезд до горной станции стоял под свинцовым небом – старый, потертый, с облупившийся синей краской. В окнах вагона отражались тучи, платформа блестела от недавнего дождя. Они заняли места у окна. Поезд тронулся, город за окном сменился пригородами, затем лесами, пропитанными сыростью. Мирэ смотрела на свиток в руках, пытаясь угадать символы. Алам молчал рядом – надёжный, как стена.

Сара поднялась на нужный этаж бесшумно, как тень. Она нажала кнопку дверного звонка. Гробовая тишина. Ни шагов, ни шороха, ни тени движения за дверью. Она замерла прислушиваясь. Потом достала отмычку. Замок щёлкнул, как выстрел в ночи. Дверь поддалась.

Квартира пустовала. Разгром на месте – осколки фарфора, перья от подушек, перевернутая мебель – но хозяев нет. На столе в гостиной лежал пустой сундучок.

Сара выругалась сквозь зубы, достала телефон.

— Дамиан, — голос был напряжённым. — Старик с девчонкой исчезли. Квартира пуста. Сундучок открыт, но внутри ничего.

Пауза. Затем его голос – холодный, как лёд:

— Найди их. Сейчас же.

Она сжала телефон, оглядывая пустую квартиру. Охота началась.

Глава 8. Под куполом рун

Тайное убежище Камиллы пряталось в лесу, где деревья стояли так тесно, будто не хотели пускать к себе ни человека, ни ветер. Неподалёку шумела быстрая горная река – ледяная, прозрачная, с тяжёлым стеклянным звоном воды, бившейся о камни. Домик стоял у самой кромки берега, маленький, старый, словно его давно покинули. Он был сложен из, цельных потемневших от времени, брёвен, ставни были закрыты, крыша чуть просела, а стены уже давно заросли мхом и травой.

Вокруг дома тянулся круг из небольших камней. С первого взгляда он напоминал декоративную тропинку, облегающую дом по периметру, но каждый камень был вырезан не ножом и не временем, а магией. На каждом камне едва заметно мерцали символы, и их свет не бил в глаза, а, наоборот, растворялся в воздухе.

Они создавали невидимый барьерный купол над домом, который защищал его от злых сил, прятал от чужого взгляда и отводил в сторону любого, кто пробовал бы найти это место по следу или наитию. Лес видел только старый заброшенный дом у реки, а всё остальное скрывала магия.

Внутри дом был совсем другим. Пространство оказалось расширено чарами, и маленькое снаружи жилище превращалось в тёплый, ухоженный дом, где всё дышало жизнью и старой заботой. Здесь было почти как в простом деревенском домике: деревянный стол с потёртой столешницей, тяжёлые стулья, кресло-качалка у печи и полки до самого потолка. На полках стояли книги о магии, стеклянные баночки с разноцветными зельями, связки сухих трав, мешочки с порошками, свечи, амулеты, камни и прочая магическая утварь, назначение которой понимал не каждый.

Брэм сидел за столом, сгорбив плечи, и нервно постукивал пальцами по дереву. Его взгляд то и дело метался к окну, словно он мог увидеть Мирэ сквозь лес, горы и расстояние. Весь его вид выдавал с трудом сдерживаемую тревогу.

Камилла стояла у печи и готовила травяной чай. Она двигалась спокойно, почти медленно, как человек, который давно научился не поддаваться панике. Но даже в её спокойствии чувствовалась усталость – не телесная, а старая, глубокая, накопленная за годы бегства, потерь и ожидания.

— Выпей, — сказала она, поставив перед Брэмом кружку. — Тебе нужно успокоиться.

— Я не могу, — глухо ответил он. — Она совсем одна.

Камилла вздохнула и села напротив. На её лице на миг появилась тень вины.

— Не одна. У неё есть сила. И есть путь.

— Сила, которую мы сами же запечатали в кулоне, — резко произнёс Брэм. — Чтобы спасти её от Дамиана. Из-за этого ей теперь будет только тяжелее.

Камилла опустила взгляд.

— Я знаю.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только потрескиванием печи и далёким шумом реки. Брэм сжал пальцы в кулак.

— Мне нужно было подготовить её раньше, — сказал он тише, упрекая себя. — Ты бы могла мне помочь. Ты же была наставницей хранителей врат.

Камилла ответила не сразу.

— Но мы не могли так рисковать. Она бы оказалась в ещё более большой опасности, — произнесла она наконец. — Если бы Дамиан узнал, что Мирэ растёт не простой девчонкой, а последней Хранительницей, он бы пришёл за ней раньше.

Брэм отвёл взгляд в сторону окна, сквозь резные ставни было видно как бежит река. Он знал, что Камилла говорит правду, и от этого становилось только хуже.

— Мы и так потеряли слишком много, — сказал он. — Катрина, Уильям всех. На этих именах воздух в комнате словно стал тяжелее.

Камилла медленно выпрямилась. Её лицо оставалось спокойным, но в глазах появилось то, то обычно видят только те, кто пережил слишком много чужих смертей.

— Эйридан тоже потерял слишком много, — тихо сказала она. — А ведь когда-то это был прекрасный мир. Место перехода, знаний и магии. Мир, где врата открывались не ради войны, а ради встречи. Разные волшебные создания приходили и уходили, приносили с собой умения, легенды, растения, книги, ремёсла. Всё жило в равновесии.

Она замолчала, будто видела перед собой тот прежний мир.

— А потом пришёл Дамиан, — продолжила она. — Полумаг с великими задатками. Если бы не его гордыня он мог бы стать первым полумагом при дворце, но он захотел владеть Эйриданом. Когда хранители врат отказались подчиняться ему, он всех их убил. С тех пор Эйридан начал увидать – леса гниют, сохнут реки, магические животные сходят с ума, а народ живёт в страхе.

Брэм слушал молча. Он видел этот мир не в сказках, а в собственных воспоминаниях – в руинах, пожаре, бегстве и в лицах тех, кого больше не было.

— Мы пытались бороться, — сказал он хрипло. — Я, Катрина, Уильям, наши друзья. Мы искали способы остановить его. Думали, что ещё можем вернуть Эйридан. Но он оказался быстрее и сильнее нас.

Камилла кивнула.

— Они погибли не зря, Брэм.

Он ударил пальцами по столу, но уже без прежней силы.

— Осталась только одна надежда – Мирэ, но она знает только лишь малую часть правды. Я должен рассказать ей всё, что знаю.

— Должен, — спокойно согласилась Камилла. — Потому что если она не узнает правду сейчас, то потом уже может быть слишком поздно.

Брэм уже собирался ответить, когда Камилла вдруг застыла. Её взгляд потемнел, а пальцы слегка сжались на краю чашки. В комнате будто стало холоднее.

— Камилла? — насторожился Брэм.

Но она не отвечала. Она смотрела куда-то сквозь стену, сквозь лес, сквозь расстояние, которое для неё вдруг перестало существовать.

— Видение, — выдохнула она.

Брэм мгновенно поднялся.

— Что ты видела?

Камилла медленно повернула к нему голову.

— Сара с каким-то капитаном по имени Ратц ищут Мирэ. Они уже напали на её след.

— Ратц? Неужели это тот капитан, что приходил к нам Он на стороне Дамиана?

— Да. Я видела их разговор с ним.

Брэм стиснул зубы так, что на лице обозначились резкие складки.

— Значит, времени нет.

— Совсем нет, — подтвердила Камилла.

Брэм провёл рукой по лицу, потом решительно посмотрел на Камиллу.

— Нужно связаться с Ламией. Пусть передаст Мирэ всё, что нужно.

Камилла уже поднялась.

— Есть способ.

Она подошла к одной из полок, достала тонкую чёрную свечу, маленький серебряный нож и круглый сосуд с мутной водой. В то же время комната за её плечами начала меняться: тень у стены сгустилась, очерчивая каменный алтарь, достаточно широкий, чтобы на него мог лечь Брэм. Рядом медленно проступил стол – старый, массивный, будто всегда стоявший здесь и

ожидавший этого часа. Камилла поставила все предметы на стол и начертила на нём защитный круг. Брэм понял без слов: речь шла о ритуале.

— Ритуал блуждающей души, — произнесла Камилла. — Ты отправишься к Ламии не телом, а душой. Так быстрее, и след не уловить. Но У тебя будет только шесть часов, — сказала она, не поднимая глаз. — Если ты не успеешь вернуться в срок, твоя душа останется блуждать Навсегда.

В комнате стало очень тихо. Брэм посмотрел на неё долгим взглядом. Он не был молодым воином, и всё же в его взгляд был полон решимости.

— Я должен помочь внучке!

Камилла кивнула, зная, что другого ответа и не будет. Она зажгла свечу. Пламя вспыхнуло голубым светом. Она поставила сосуд с водой в центр круга и опустила туда серебряный нож. Вода пошла рябью, хотя в комнате не было ветра.

Камилла начала читать заклинание. Слова были тихими, древними, и, казалось сами стены дома слушали их. Руны на камнях вокруг убежища отозвались слабым мерцанием. Невидимый купол над домом дрогнул, усиливаясь и открывая путь только для одного – для души, которая должна была пройти туда и обратно.

Брэм закрыл глаза, когда Камилла коснулась его лба ладонью. Он почувствовал, как внутри стало легко и одновременно страшно пусто, будто его тянули на поверхность из глубокого сна. Последним, что он увидел, была Камилла – с застывшим лицом, с горящей свечой и с тревогой, которую она больше не могла скрывать.

— Вернёшься, — сказала она шёпотом. — Ты должен вернуться.

Свеча начала гореть серым огнём. Время пошло.

Глава 9. Там, где сходятся тропы

Дамиан стоял у высокого узкого окна и смотрел на темнеющий за стеклом Эйридан. Горы, окружавшие его земли, казались чёрными, почти недвижимыми, и только редкие огни внизу напоминали о том, что в этом мире ещё остались живые, упрямые, ничего не понимающие существа. Он долго не двигался, словно сам превратился в часть холодного камня, из которого был выстроен замок. Тишина вокруг была плотной, тяжёлой, и в этой тишине особенно ясно слышались собственные мысли.

Он слишком долго позволял им верить, что всё происходит само собой. Что мир способен удержаться на старых законах, на привычках, на памяти о времени, которого уже не существовало. Они цеплялись за прошлое, как дети за подол матери, хотя матери давно не было, а дом уже полыхал.

Дамиан медленно сжал пальцы на подоконнике.

Они называли его жестоким. Называли чудовищем. Называли тем, кто разрушил Эйридан. Но никто из них не спрашивал, почему он сделал то, что сделал. Никто не видел, сколько лет он наблюдал, как силы мира расползаются по швам, как врата открываются всё чаще, принося с собой не только знания, но и хаос, чужую волю, чужую власть. Они считал, что равновесие можно сохранить одной лишь доброй верой. Наивные.

Дамиан усмехнулся одними губами.

Когда-то он и сам верил иначе. Когда-то он был моложе, терпеливее, возможно, даже мягче. Он помнил это смутно, как помнят детский сон, в котором всё ещё было возможно исправить. Он пытался говорить, убеждать, предупреждать. Его не слушали. Его унижали за кровь, за происхождение, за то, что он не принадлежал ни к одному из «правильных» кругов власти. Полумаг. Слово, которое они произносили с таким призрением, словно в нём заключалась сама ошибка мира.

А потом они увидели в нём угрозу. И это было из последней ошибкой. Он понял, что ему нужна власть, чтобы удержать мир от распада. И если для этого пришлось пролить кровь хранителей врат, и уничтожить старую систему, построенную на слабости и слепой привязанности к прошлому, значит, так тому и быть. История не запоминает сомневающихся. История помнит тех, кто не дрогнул.

И всё же иногда – редко, почти незаметно – что-то внутри него давало трещину. Он думал о Мирэ.

Это имя раздражало его сильнее, чем он готов был признать. В нём была какая-то неправильная, упорная живучесть. Как у травы, прорастающей сквозь камень. Как у огня, который не гаснет, даже если его заливают водой. Она не должна была стать значимой. Не должна была унаследовать то, что он так тщательно пытался запечатать. Но всё снова и снова возвращалось к ней.

Последняя Хранительница. Вот если бы он узнал раньше, всё было бы по-другому.

Дамиан медленно повернул голову к зеркалу, стоявшему у стены, и посмотрел на собственное отражение. Жёсткие черты лица, тёмные глаза, напряжённая линия губ. Лицо человека, который слишком хорошо знал цену решениям. Лицо, в котором давно не осталось места для иллюзий. И всё же где-то глубоко, под слоем холодной уверенности, жила давняя, почти забытая боль – не от поражения, нет, а от того, что однажды ему пришлось выбрать между миром и тем, что он сам когда-то считал миром.

Он так и не простил им этого выбора. Возможно, именно поэтому он не мог остановиться.

Тихое сияние кристалла вырвало его из мыслей. Дамиан не сразу понял, откуда идёт свет. Кристалл на прикроватной тумбочке вызывал его в другой мир. Пора вернуться в свой аватар.

Телефон лежал на кровати. Его тихий звон настойчиво призывал Дамиана. На экране светилось имя: «Ратц».

Дамиан не сразу ответил. Он лишь чуть прикрыл глаза, будто сам факт этого звонка уже был плохим знаком.

— Босс, — сказал Ратц без лишних предисловий. — Мы выяснили, куда направляется девчонка.

Дамиан медленно склонил голову, сидя на кровати.

— И куда же?

— В горы. Она движется к северному перевалу. Судя по всему, собирается добраться до одного из старых путей.

На мгновение в комнате стало совсем тихо.

— Она идёт не одна? — спросил Дамиан.

Ратц коротко переглянулся с Сарой.

— Пока мы не смогли определить точно. Но она уже в пути. Мы с Сарой сели ей на хвост.

Дамиан долго молчал. Его пальцы легко постукивали по поверхности прикроватного столика, и этот едва заметный звук казался единственным признаком жизни в комнате.

Северный перевал. Конечно. Ей нужен был путь туда, где ещё можно было спрятаться, где старые тропы хранили следы прежней магии. Слишком предсказуемо – и всё же слишком опасно, чтобы недооценивать. Если Мирэ доберётся туда, она может получить помощь или ответы, а ответы были хуже любого оружия.

— Не теряйте её, — произнёс Дамиан наконец. Голос его был тихим, но в этой тишине слышалось сталь. — И не вмешивайтесь, пока не будет необходимости.

— А если она встретит кого-то раньше? — спросил Ратц.

— Тогда вы узнаете, насколько я ценю дисциплину.

Ратц опустил взгляд.

— Понял.

Дамиан собирался завершить связь, но вдруг задержался.

— Ратц.

— Да, босс?

— Если она попадёт к тем, кто всё ещё верит в старые сказки, уберите их. Всех, кто станет ей помогать.

По лицу Ратца скользнула почти незаметная тень удовольствия.

— Как прикажете.

Звонок завершился. Дамиан остался один.

Он сидел неподвижно ещё несколько мгновений, а потом подошёл к окну. Где-то там, вдалеке, за линией скал и тёмных лесов, шла Мирэ. Ещё чуть-чуть – и она окажется там, где её можно будет перехватить. Или потерять навсегда. И хотя Дамиан никогда бы не признал этого вслух, мысль о том, что именно она может стать последним ключом к разрушению его замысла, раздражала его почти физически. Но раздражение было роскошью. Он давно научился пре-вращать такие чувства в действие.

Дорога к горной станции была долгой и нервной. Сначала тянулась серая, почти безжизненная равнина, потом начались каменные склоны, а затем воздух стал холоднее, резче, как будто сама высота отрезала всё лишнее и оставляла только камень, ветер и намерение добраться до цели.

Сара ехала молча. Ратц сидел рядом, иногда поглядывая в карту, иногда в сторону горных троп, которые извивались среди скал. Будто тонкие шрамы на теле земли.

— Если она выбрала этот путь, значит, спешит, — сказал он наконец.

— Значит, кто-то ей нужен, — отозвалась Сара.

Ратц усмехнулся.

— Или кто-то её уже ждёт.

Сара не ответила. Она была менее разговорчивой, чем Ратц, и куда более собранной. Её тёмные волосы были стянуты назад, лицо оставалось спокойным, но в движениях чувствовалась привычка к точности. Она не любила ошибаться. И не любила, когда кто-то заставлял её тратить время.

Когда они добрались до горной станции, небо уже затягивалось серыми полосами облаков. Станция стояла у подножия скал, маленькая, обветренная, с низкими крышами и покосившимся навесом для путников. Здесь пахло влажным камнем и старым деревом.

Людей было немного. Слишком немного. Сара сразу заметила это.

— Тихо, — сказала она, выходя на станцию.

Ратц осмотрелся.

— Слишком тихо.

Они вошли внутрь станции, задали пару вопросов, и почти сразу поняли: Мирэ здесь действительно была. Недолго. Молодая девушка в капюшоне спешила. Северный путь. Она не задерживалась. Не оглядывалась. Зато расспрашивала о тропах в горы.

— Значит, идём выше, — сказал Ратц.

Сара уже кивнула.

Они оставили станцию позади и двинулись вверх по узкой тропе, теряющейся среди камней и редких деревьев. Чем выше они поднимались, тем сильнее становился ветер. Он бил в лицо ледяными порывами, шевелил плащи и заставлял щуриться. Камни под ногами были скользкими, а дорога всё уже и опаснее.

— Здесь легко потерять след, — пробормотал Ратц.

— Мирэ не та, кого легко сломать, — ответила Сара.

— Я и не говорил про сломать.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

Они поднялись ещё выше. Лес остался позади, сменившись серыми и узкими уступами. Где-то впереди горы открывались к узкому проходу, и именно туда, по всем признакам, направлялась Мирэ. Ратц уже начинал думать, что они почти догнали её, когда дорогу им преградила фигура.

Человек стоял прямо по среди тропы, спокойно, словно ждал их давно. На первый взгляд он казался обычным путником: тёмная одежда, дорожный плащ, капюшон, скрывающий часть лица. Но что-то в его неподвижности сразу насторожило обоих. Он не шевелился под ветром. Не отступал. Не торопился заговорить.

Сара первой остановилась.

— Уйди с дороги, — холодно сказала она.

Незнакомец медленно поднял голову.

Ратц видел только часть его лица, но и этого хватило, чтобы почувствовать странное напряжение. В нём не было страха. Не было и вызова в привычном смысле. Скорее, спокойная уверенность того, кто не сомневался, что именно он решает, кто пройдёт дальше.

— Вам дальше нельзя, — сказал незнакомец.

Голос его был низким, ровным, сдержанным. Не громким, но таким, который невозможно было проигнорировать.

Ратц хмыкнул.

— Ты кто ещё такой?

Незнакомец не ответил сразу. Ветер дёрнул край его плаща, открыв на миг рукоять оружия у пояса. Затем он сделал едва заметный шаг вперёд.

— Тот, кто не позволит вам пройти.

Сара медленно напряглась. Ратц чуть повернул плечо, готовясь к движению.

— Довольно самоуверенно для того, кто стоит один против двоих, — сказал он. Незнакомец наконец опустил руку к поясу.

— Иногда одного достаточно.

И тогда между ними повисла тишина – тяжёлая, почти осязаемая. Холодный ветер бил по камням, тянул плащи, шевелил пыль и мелкий снег на уступах. Где-то далеко в низу оставалась станция, а впереди были только горы, узкая тропа и человек, преградивший им путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.